

О НЕКОТОРЫХ ПРОБЛЕМАХ ПОРОЖДЕНИЯ И ВОСПРИЯТИЯ ТЕКСТА В АСПЕКТЕ КОММУНИКАЦИИ

Актуальные проблемы порождения и восприятия текста рассматриваются в статье в их отнесенности к составляющим коммуникативного акта – ситуации, мотиву, адресату. Наряду с традиционно-лингвистическими исследуются позиции психолингвистики и герменевтики.

Принципиальный сдвиг в современной лингвистике, как справедливо указывается Е.В. Падучевой, колоссальные расширения ее возможностей произошли тогда, когда лингвистика стала изучать текст, в том числе элементарный текст, единичные высказывания, в контексте коммуникативной ситуации. «Лингвистика инкорпорировала в себе теорию речевых актов, теорию референции, вообще прагматику и тем самым получила в свое распоряжение аппарат, позволяющий описать смыслы таких единиц, которые раньше были ей не под силу» [13: 41]

Многими лингвистами текст давно уже признается основной единицей коммуникации. Являясь составляющей коммуникативного акта, текст во многом определяется и зависит от других его составляющих. В этой связи было бы правомерным выделить некоторые аспекты коммуникативного порядка, которые следует учитывать при изучении текста:

– экстралингвистический: текст есть реакция на ситуацию, которая в свою очередь является фрагментом объективно существующей реальности, «провоцируя» порождение текста, эта реальность отражается в нем, но не непосредственно, а опосредованно – через авторское представление о ней;

– когнитивный: именно наличие широкой пресуппозиции предопределяет адекватное понимание текста и, следовательно, успешное протекание коммуникации;

– семантический: контекст, наряду с пресуппозицией, влияет на отбор языковых средств и строение текста, а также обуславливает адекватное его восприятие;

– лингвистический: как совокупность языковых средств текст есть вербальный продукт, подлежащий исследованию (ученого) в качестве исходного материала.

Соотнесенность текста с соответствующей ситуацией (на что указывал еще Бенвенист) или, иными словами, его референциальная отнесенность, отличает текст от иных единиц языка. По выражению Г. Вайнриха, «мы

говорим нормально не разрозненными словами, а предложениями и текстами, и наша речь покоится на ситуации» [11: 204]. Говоря в этой связи о порождении текста, следует непременно подчеркнуть зависимость его не только от целей и условий коммуникации, но и от ситуации, которую он отражает. Именно ситуация несет в себе мотив порождения текста. Проблема, однако, во многом усложняется, если объектом исследования становится текст художественный. Ситуация, в которой текст создается, далеко не всегда совпадает с той экстралингвистической реальностью, которая (опосредованно – через авторское о ней представление) отражена в тексте. Подчеркивая, что текст создается в определенной субъективной ситуации, А.М. Пятигорский справедливо указывает на то обстоятельство, что «эта субъективная ситуация может не быть описана в тексте...» [14: 18]. Однако мотив, как отправная точка в процессе порождения текста, создается ситуацией, и в этом отношении последняя непременно должна учитываться при толковании / интерпретации текста. Каждый текст мотивирован и в этом смысле индивидуален. Как и всякая деятельность, он рождается из ощущения проблемной ситуации, порождающей ассоциируемые с ней образы. В этой связи очень важными представляются выводы Л.С. Выготского, сделанные им в ходе анализа сущности мышления: «Мысль еще не последняя инстанция во всем этом процессе. Сама мысль рождается не из другой мысли, а из мотивирующей сферы нашего сознания, которая охватывает наши влечения и потребности, наши интересы и побуждения, наши аффекты и эмоции. За мыслью стоит волевая тенденция. Только она может дать ответ на последнее «почему» в анализе мышления. Мотивацию мысли мы должны были бы уподобить ветру, приводящему в движение облака. Действительное и полное понимание чужой мысли становится возможным только тогда, когда мы вскрываем ее дей-

ственную, аффектно-волевую подоплеку. В психолингвистическом анализе любого высказывания мы доходим до конца только тогда, когда раскрываем внутренний план речевого мышления, его мотивацию» [5: 174-175].

Особенностью текста художественного (как и, впрочем, любого письменно фиксированного) является то обстоятельство, что он претерпевает не одно рождение, а их бесконечное множество. Ибо текст существует в момент своего порождения при осмыслении автором отражаемой в нем действительности и в момент восприятия при осмыслении его читателем. Интерпретируя текст, читающий (слушающий) не просто получает информацию, а как бы «творит» ее. По словам М. Бахтина, «возможно только механическое воспроизведение пальца (в любом количестве экземпляров); возможно, конечно, такое же механическое воспроизведение текста (например, перепечатка), но воспроизведение текста субъектом (возвращение к нему, повторное чтение, новое наполнение, цитирование) есть новое неповторимое событие в жизни текста» [1: 303]. Другими словами, содержание текста находится в непосредственном взаимодействии с сознанием читателя. Жизнь текста, т.е. его подлинная сущность всегда разыгрывается на рубеже сознаний двух субъектов*. Текст не вещь, и поэтому второе сознание, сознание воспринимающего, никак нельзя элиминировать или нейтрализовать [1: 303]. Без человека, воспринимающего текст, существует лишь «тело текста», которое вне взаимодействия с человеком остается цепочкой каких-то фигур, не становящихся знаками до тех пор, пока не появится некто, способный приписать им значение. На это же обстоятельство указывают А.М. Пятигорский [14: 1996] и В.П. Зинченко, по мнению которых, чтобы текст «заговорил», нужна работа понимания, выполняемая человеком [9: 86].

К тем же выводам, хотя и с несколько других позиций, пришла современная герменевтика. Определение М. Хайдеггером понимания как способа бытия человека неизбежно вело к включению понимающего в смысловое пространство «понимаемого» объекта: тот, кто понимает, изначально вовлечен внутрь того, что понимается. Г. Гадамер, идя далее, определяет понимание

как экзистенциальное событие человеческой жизни и считает, что главное в понимании – это само дело, суть дела, которое является «не только моим делом или делом автора, но нашим собственным делом» [6: 452]. Тем самым Г. Гадамер опровергает концепцию сведения смысла текста к его замыслу. Выпущенный в мир, обособленный от своего источника в лице автора текст начинает жить собственной жизнью и обретает определенную открытость для новых связей. Основной процедурой понимания является, по Гадамеру, не перемещение (Umsetzung), что утверждал В. Дильтей, а применение (Anwendung). Дело заключается не в том, чтобы переместиться в ситуацию автора, дабы преодолеть барьер между его и своим опытом, отождествить себя с ним, что в действительности невозможно, а в том, чтобы применить опыт автора к себе. Таким образом, цель понимания не в воссоздании, или реконструкции первичного (авторского) смысла текста, а в создании, или конструкции, смысла заново. Взаимопонимание между читателем и создателем текста возникает не сразу и окончательно, а ожидается, проектируется (предпонимание, по Гадамеру), трансформируется и корректируется, в постоянном колебании от себя к другому через реконструируемого и одновременно наличествующую целостность – текст.

Постулируемое отношение двунаправленной зависимости (от автора и от читателя), связывающее текст с окружающей действительностью, находит свое выражение в лингвистической составляющей текста. Отбор языковых средств определяется, с одной стороны, адекватностью их авторскому замыслу, а с другой – направленностью на предполагаемого («виртуального») читателя (реципиента), которому автор адресует свое творение. Этим, в частности, во многом объясняется сложность понимания инокультурного текста, когда авторская и читательская пресуппозиции, или их «индивидуально когнитивные пространства» [11: 203], не совпадают.

На необходимость включения реципиента, его пресуппозиционального фонда или «индивидуально когнитивного пространства» с совокупностью знаний, опыта, системой ценностей и шкалой оценок в смысловое пространство текста указывается и сегодня многими исследо-

* Указанная концепция М.М. Бахтина легла, как известно, в основу «персоналистской» теории литературы, где в отличие от бол ранних теорий – «эйдосной» и «литературоведческой грамматики» – подлинное понимание всегда сопряжено с персонализацией: в центре внимания не наглядное представление (εἶδος – «Вейдос» – вид, наружность), не лингвистическая данность текста, а носители смыслов. Произведение в этом случае предстает как диалог личностей.

вателями текста. Е.Р. Корниенко выделяет, наряду с лингвистическим фактором (язык, на котором ведется общение) также фоновые знания как определяющие степень адекватности понимания текста реципиентом и как следствие – успех коммуникации. К последним она, в частности, относит – представления, сведения о типе ситуации, стереотипы / особенности культуры, а также социальные и психологические условия, в которых происходит порождение и восприятие текста [10: 24].

Включенность реципиента в смысловое пространство текста признается одним из источников вариативности понимания вербальных текстов. В современной науке заметна тенденция к отказу от поиска единственно правильного смысла текста. Текст рассматривается как задающий веер возможностей своей интерпретации. Он представляет собой некий инвариант, допускающий некоторое число смысловых вариантов, число которых всегда свободно, но не бесконечно.

Сам текст, понятый и осознанный, определяет границы нашего понимания, и индивидуальные толкования есть лишь варианты и вариации некоего инвариантного, intersubъективного (как относящегося ко всем и к каждому) начала (ядра). Единство это столь же предшествует вариациям и порождает их, сколь и каждый раз снова и снова порождается ими. Устойчивость смыслов связана с устойчивостью текста, с тем обстоятельством, что текстовые средства, опредмечивающие смыслы, остаются и при значительных изменениях внетекстового пространства неизменными. Это обуславливает необходимость тщательного изучения содержательной формы текста как совокупности текстовых средств.

Проблема вариантности в целом представляется достаточно сложной, ибо что считать смысловым инвариантом? В связи с этим существуют и разные направления в изучении текста: от автора, когда исследуется формирование замысла и порождение текста, и от читателя, когда анализируется восприятие текста реципиентом. При этом следует подчеркнуть, что данное разделение является условным, оно включает в себя лишь крайние точки треугольника «автор – текст – реципиент», тогда как реальная интерпретация того или иного текста базируется, как правило, на сочетании этих подходов. По мнению А.А. Брудного, «можно обосновать гипотезу, в соответствии с которой

семантика и структура текста образуют как бы одну часть сложного механизма, другая часть которого содержится в сознании и памяти индивида, воспринимающего текст, когда два этих различных компонента вступают во взаимодействие, и происходит процесс восприятия и понимания текста (например, при его чтении или слушании)» [4: 133]. Из сказанного следует, что невозможно воспринимать текст отдельно, как некую навсегда застывшую совокупность знаков, содержащую однажды и навсегда заданный смысл, который читающему или слушающему надо научиться извлекать, используя определенные алгоритмы.

По мнению В. Красных, моментом, связывающим эти два смысловых поля, является «концепт текста», под которым понимается «глубинный смысл, изначально максимально и абсолютно свернутая смысловая структура текста, являющаяся воплощением мотива, интенцией автора, приведших к порождению текста» [11: 214]. Концепт текста в данном понимании служит «отправной точкой» для порождения текста, является целью восприятия последнего, хранится в памяти в виде максимально свернутой структуры, некоего мыслительного сгустка, развертывание которого происходит каждый раз при восприятии текста реципиентом. При этом развертывание текста может носить и нелинейный характер.

Связывая воедино, концепт текста в тоже время противопоставляет друг другу процессы порождения и восприятия текста как две антиномии, существующие лишь в их единстве и противопоставлении.

При порождении автор идет от концепта к тексту, концепт предопределяет смысловое строение текста, а также задает коммуникативную целенаправленность последнего.

Совершенно очевидно, что при восприятии текста реципиент идет в обратном направлении: от текста (в его вербально выраженной форме) к концепту.

Многие исследователи выделяют в этой связи несколько уровней восприятия, или переработки речевого сообщения. Так А.Р. Лурья писал в свое время о двух уровнях: на первом происходят процессы расшифровки воспринимаемых языковых кодов, на втором – процессы расшифровки глубинного, лежащего за воспринимаемым сообщением смысла [12: 118]. В настоящее время Г.И. Богиным выделяется 3 уровня понимания текста: 1) се-

мантизирующее понимание, т. е. «декодирование» единиц текста, выступающих в знаковой функции; 2) когнитивное понимание, т. е. освоение содержательности и познавательной информации; 3) смысловое («феноменологическое») понимание, построенное на распределении смыслов, презентуемых помимо средств прямой номинации [3: 32].

Указанные три уровня понимания коррелируют с тремя «значениями текста», выделяемыми Красных [11: 245]: 1) поверхностное, 2) глубинное, 3) смысл. При этом каждое из названных значений текста реализуется в одном из трех процессов, составляющих единый процесс обращения реципиента к тексту: поверхностное значение реализуется в процессе восприятия формы как понимания прямого значения; глубинное – в процессе понимания непрямого значения, дополнительных модусных смыслов; смысл – в процессе «восприятия концепта», интерпретации.

На необходимость разграничения процессов восприятия текста, как процесса приема (рецепции) информации, осмысления (понимания ее) и интерпретации (соотнесения ее с имеющимися знаниями об экстралингвистической реальности) указывается многими авторами (см., в частности, работу И.А. Зимней [8: 1976]).

Два вида понимания текста выделяет А.А. Залевская: понимание – осмысление, включающее спонтанную интерпретацию и переживание понимаемого, и понимание – целенаправленную интерпретацию с признани-

ем того, что второй вид понимания невозможен без первого, (7: 66; подчеркн. мной. – И.С.). При этом характерной особенностью процесса интерпретации выделяется такой ее момент, который можно было бы сформулировать как «выход за пределы текста». По мнению Е.Ф. Тарасова и М.Л. Сосновой, «для распределения речевого текста (зд: понимания) требуются лингвистические знания, а для распределения предметов, на которые указывается в тексте (т. е. для его интерпретации) требуются также и энциклопедические знания» [15: 40]. В процессе интерпретации человек обращается не только к своему вербальному, но и невербальному, перцептивному, когнитивному и аффективному опыту. Только при взаимодействии «ума», «души» и «тела», иными словами, в рефлексии, при осмыслении вербального через призму невербального – личного опыта (включенного, однако, в социальные взаимодействия) возможна адекватная интерпретация.

Таким образом, исходя из дискурсивной природы текста, следует, что интерпретация должна непременно включать в себя наряду с лингвистической составляющей – текстом экстралингвистические составляющие – ситуацию как фрагмент объективно существующей реальности, порождающей мотив – интенцию вербальной реакции (текст) и внешний контекст, который обусловлен «индивидуально-когнитивным пространством» интерпретатора (его картиной мира).

Список использованной литературы:

1. Бахтин М.М. Собрание сочинений: В 7-ми т. – Т. 5.: Работы 1940-х – начала 1960-х годов. – М.: Русские словари, 1997.
2. Белянин В.П. Введение в психиатрическое литературоведение. Мюнхен, 1996.
3. Богин Г.И. Филологическая герменевтика. Калинин, 1982.
4. Брудный А.А. Психологическая герменевтика. М., 1988.
5. Выготский Л.С. Развитие высших функций. – М., 1960.
6. Гадамер Г.Г. Истина и метод: Основы философской герменевтики. – М.: Прогресс, 1988.
7. Залевская А.А. Некоторые проблемы теории понимания текста // Вопросы языкознания, 2002, №3. С. 62-73.
8. Зимняя И.А. Смысловое восприятие речевого сообщения. М., 1976.
9. Зинченко В.П. Психологическая педагогика: Материалы к курсу лекций. Ч. 1. Самара, 1998.
10. Корниенко Е.Р. Феномен текста в свете психолингвистических исследований // Жанры и типы текста в научном и медийном дискурсе: межвуз. сб. научных трудов. – Вып. 2. / Отв. ред. А.Т. Пастухов. – Орел: ОТИИК, 2005. С. 23–28.
11. Красных В. Основы психолингвистики и теории коммуникации. М., 1975.
12. Лурия А.Р. Речь и мышление. М., 1975.
13. Падучева Е.В. В.В. Виноградов и наука о языке художественной прозы // Изв. РАН. Сер. литературы и языка – Т. 54. – 1995. – №3. – С. 39–48.
14. Пятигорский А.М. Избранные труды. М., 1996.
15. Тарасов Е.Ф., Соснова М.Л. О формах существования текста // Речевое общение: цели, мотивы, средства. М., 1985. С. 30-44.